

К вопросу о границах паремиологии и системности паремиологических единиц

Е.В. Ничипорчик

Обосновывается необходимость унификации терминов в сфере паремиологии и сужения ее границ; обобщаются положения о системности паремиологических единиц. Акцентируется внимание на «внешних» связях системы паремий с ноосферой, ее порождающей, – на роли апперцепции и ценностно-нормативных систем в формировании структуры паремиопространства. Определяются характеристики паремий, лежащие в основе внутренней упорядоченности элементов паремиологической системы.

Ключевые слова: паремия, паремиологическое пространство, система, характеристика, связь, отношение.

The author substantiates the necessity of terms unification in the field of paremiology and narrowing of its scope, summarizes statements on the systematicity of proverbial units. The emphasis is put on the «external» relations between the system of proverbs and the noosphere, which generates this system – on the role of apperception and value-based prescriptive systems in the process of formation of the proverbial space structure. The characteristics of proverbs underlying the internal orderliness of the elements of the proverbial system are determined.

Keywords: proverb, proverbial space, system, characteristic, connection, relation.

Любое паремиологическое изыскание в настоящее время невозможно без определения или уточнения дефиниционных признаков объекта исследования. Причиной тому является отсутствие консенсуса среди ученых в решении вопроса о терминологии. Нет согласия в том, что следует понимать под поговоркой и поговоркой, отмечается использование разных терминов в синонимическом значении («поговорка» = «фразеологизм», «пословица» = «паремия»); двойственным образом трактуется термин «паремия» (родовое наименование ряда устойчивых единиц народного происхождения – пословиц, поговорок, загадок, примет, прибауток и др. / родовое наименование только пословиц и поговорок).

Необходимость терминологической унификации в области паремиологии очевидна; в этом смысле наблюдающаяся ныне синонимизация терминов, и в первую очередь терминов «поговорка» и «фразеологизм» (в классическом его понимании), может быть квалифицирована как положительное явление, первый шаг к унификации. По мнению многих ученых, самым неопределенным статусом среди устойчивых единиц обладает именно поговорка [1, с. 433], [2, с. 13], [3, с. 28]. Отождествление феноменов, которые стоят за терминами «поговорка» и «фразеологизм» [4, с. 4], [5, с. 4–5], а это отождествление восходит к далевскому пониманию поговорки и поддерживается школой В.М. Мокиенко, позволит, на наш взгляд, изменить сложившуюся в науке ситуацию, когда каждой из наук – фразеологии и паремиологии – приходится сидеть одновременно на двух стульях.

И.Я. Лепешев считает, что для преодоления терминологической путаницы при употреблении термина «поговорка» в качестве аналога термина «фразеологизм» логично отказаться от термина «поговорка» [6, с. 17]. «Использование термина “поговорка” было в полной мере оправданным, пока в языкознании не закрепился термин “фразеологизм”, который фактически вытеснил своего предшественника для обозначения одних и тех же языковых единиц – устойчивых, воспроизводимых оборотов с целостной семантикой (*кот наплакал, корона с головы не упадет, чужими руками жар загребать*), – пишет И.Я. Лепешев (цитируется в переводе) [6, с. 17]. Отказ от термина «поговорка», по крайней мере в научной литературе (в народной речи, речи журналистов, писателей «поговорка» и «пословица» являются дублетными наименованиями [5, с. 4]), знаменует выведение обозначаемого этим термином объекта из-под «крыла» паремиологии. Сохранение же в научном обиходе термина «поговорка» в альтернативной трактовке – в значении пригодного для употребления в дидактических целях народного изречения, лишеного переносного смысла [7, с. 11], [8, с. 13], – и противопоставление феномена, стоящего за этим термином, пословице в рамках паремиологии (концепция Л.Б. Савенковой [9]); равно как и

сохранение этого термина в значении коммуникативной фразеологической единицы, лишенной директивной, назидательно-оценочной функции [1, с. 456], и противопоставление феномена, стоящего за этим термином, номинативным, номинативно-коммуникативным, междометным, модальным и коммуникативным пословичным фразеологическим единицам в рамках фразеологии в широком ее понимании (концепция А. В. Кунина [1]), вновь и вновь вовлекает ученых в дискуссии и не приносит ожидаемых плодов, связанных с развитием соответствующих теорий.

Если обратиться к рассмотрению другой пары терминов – «пословица» и «паремия», определяемых как синонимы ([4, с. 4], [6, с. 18], [3, с. 32], [10, с. 67] и др.), то делать прогноз, какому из терминов в будущем может быть отдано предпочтение, в настоящее время сложно. Оба термина активно используются в научной речи, однако термин «паремия» дает большее, чем термин «пословица», количество вошедших в научный обиход дериватов («паремиологическая единица», «паремиологическая картина мира», «паремиология», «паремиография»). При поддержке научным сообществом тенденции к узкому пониманию термина «паремия» в ведении паремиологии останутся только пословицы. Другие устойчивые выражения народного происхождения – загадки, скороговорки, присказки, прибаутки, отличающиеся от пословиц специфичностью функций, более низкой степенью прецедентности [11, с. 11] и, соответственно, узуальности, – останутся в введении фольклористики и могут изучаться в лингвистическом аспекте, как и любые другие тексты. Широкое же понимание паремиологии (как, впрочем, и широкое понимание фразеологии), на наш взгляд, отодвигает возможность отнесения к разным исследовательским полям фразеологизмов как собственно языковых феноменов и паремий как феноменов гибридной семиотической природы, по определению Л.Б. Савенковой знаков особого рода, сочетающих в себе качества единицы языковой системы и мини-текста [8, с. 9]. Иными словами, отодвигается возможность закрепления за фразеологией и паремиологией статуса автономных областей научного знания, имеющих различные объекты изучения.

Нужно признать, тем не менее, что стихийное размежевание фразеологии и паремиологии, детерминированное, с одной стороны, стремительным развитием фразеологии, с другой – настоящим «паремиологическим бумом», проявившимся в активном изучении паремий с лингвистических позиций, становится приметой сегодняшнего дня. Показательно в этом отношении появление учебных пособий, монографий и иного рода публикаций, в которых на новом витке развития научной мысли поднимается вопрос о границах фразеологии и паремиологии ([6], [12]–[16] и др.). Исключительную значимость для решения этого вопроса приобретает составление коллективом авторов, возглавляемым В.М. Мокиенко, «Большого словаря русских поговорок» [17] и «Большого словаря русских сравнений» [18], «Большого словаря русских пословиц» [19]. Несмотря на то что словари получили название паремиологической трилогии и составители словарей использовали рассчитанный на широкий круг читателей термин «поговорка», в данных словарях нашла масштабное воплощение важная для установления границ паремиологии и фразеологии идея дифференциации пословиц и фразеологизмов.

Полагаем, что в решении вопроса об объекте изучения каждой из наук рационально опираться на прототипические признаки дифференцируемых единиц и учитывать тот факт, что любые сложные системы (а фразеологическая и паремиологическая системы таковыми и являются), в отличие от элементарных образований, представляют системы нечетких множеств. Заметим в связи с этим, что более двухсот лет назад в предисловии к словарю «Пословицы русского народа» В.И. Даль указывал, что границы между отдельными «разрядами» народных выражений (поговорками, приговорками, присловьями, прибаутками и пословицами) оказываются очень зыбкими и что многие непословичные выражения легко становятся пословицами [20, с. 12], аналогичные мысли выражал и А.А. Потебня, говоря о трансформации пословиц в поговорки, а поговорки в пословицы [21, с. 108–110].

Являясь приверженцами узкого понимания паремиологии как одной из областей лингвистического знания, считаем, что в ведении этой науки находятся воспроизводимые, объективирующие ценностное отношение к сущему с позиций обыденного сознания и отсылающие к коллективному мнению устойчивые выражения-рефлексии на референтную ситуацию с подведением ее под класс типовых, имеющие в словарном варианте структуру предложения. К прототипическим признакам паремий, кроме воспроизводимости, устойчивости, предложенческой струк-

туры, прецедентности и персуазивности, относятся также лапидарность, полифункциональность, способность сохранять значение при употреблении в варьируемом и / или редуцированном виде. Нельзя не согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что не все паремии представляют собой суждение и имеют поучительный смысл [5, с. 4], [6, с. 30], [8, с. 3, 14]. Однако всем паремиям в той или иной мере свойственна убеждающая сила; все они невольно вселяют веру в достоверность сказанного или рациональность призыва, в то, что обозначаемое представляет нечто типичное, закономерное; иными словами, все они могут быть средством персуазивной коммуникации. Наличие или отсутствие переносного смысла у паремий абсолютно незначимо в плане проявления их сущностного дифференциального признака – предназначения функционировать вместо «слова» (номинативная функция) и к «слову» (аргументативная функция) с отсылкой к «чужому», в данном случае народному мнению.

Выведение паремиологии за рамки фразеологии и закрепление позиций паремиологии как автономной области лингвистического знания требует определения совокупности объектов данной науки как целостного образования, организация которого (формирование и функционирование) зиждется на некоторой упорядоченности; иными словами, требует применения системного подхода к описанию свода паремиологических единиц.

Тезис о системности паремий не нов. Он принадлежит фольклористам прошлого столетия, положен в основу идеи построения международной классификации паремиологических единиц, международной системы «пословичных типов» ([22], [23], [24] и др.) и в настоящее время является ключевым в ряде паремиологических исследований ([8], [25] и др.). Значительный вклад в изучение системности устойчивых выражений внесен фразеологами, в частности А.В. Куниным [1]. А.В. Кунин определил уровни системного изучения фразеологии, подверг описанию системные связи в английском фразеологическом фонде и убедительно доказал проявление в нем таких сущностных характеристик системы, как структурность, иерархичность, асимметрия, функциональность [1].

При обращении к истории изучения вопроса о системности паремий нельзя не упомянуть В.И. Даля, который задолго до выхода в свет книги В.Я. Проппа «Морфология сказки» в качестве ключевого метода для определения связи элементов в некотором заданном пространстве культуры использовал поиск повторяющихся, прямо не выраженных содержательных характеристик этих элементов. Работая над словарем «Пословицы русского народа» и замышляя сделать его книгой для чтения, В.И. Даль интуитивно вскрывает отношения, которыми стянуты паремии в ноосфере и которые позволяют представить свод провербиальных единиц в виде «текста», «картины», то есть в виде внешне и внутренне связанной целостности. Связность паремий была осмыслена великим В.И. Далем, во-первых, при объединении их в тематические группировки, во-вторых, при определении последовательности расположения паремиологических единиц в каждой из тематических группировок и, в-третьих, при определении последовательности расположения тематических группировок в словаре (подробнее об этом в [26]). «При таком расположении довольно полного сборника, – пишет В.И. Даль, – я уже не только тешусь острою той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках» [20, с. 15].

Российский ученый Ю.И. Левин, подчеркивая значимость идей В. И. Даля, описывает национальный свод паремий уже с использованием другой когнитивной метафоры – «пространство». «Пословичный фонд представляет собой не просто набор отдельных единиц и даже не просто систему единиц – носителей определенных различительных признаков (грамматических, логико-семиотических, предметных), по значениям которых они могут классифицироваться, – пишет Ю.И. Левин, – но и некоторое «пространство» в математическом смысле слова» [27, с. 484]. Обращение к «топологическим» и «метрическим» характеристикам паремиологического пространства позволило ученому прийти к выводу о «многомерности» этого пространства – разнородности «параметров» и «измерений», по которым пословицы оказываются близки друг другу [27, с. 484].

Если под системой вообще понимать некоторую целостность элементов, энергия связи которых «превышает энергию их связей с элементами других систем» [28], то понятие паремиопространства оказывается весьма удачным для уточнения оснований системности паремий. Это понятие позволяет определить параметрические характеристики паремиологической системы как целостного образования, порождаемого «внешней» средой – ноосферой – и «самоорганизу-

ющегося» в этой среде по «внутренним» законам. Факторы, детерминирующие системность паремиологических единиц, можно определить с опорой на установление дистрибуций – распределений паремиологических единиц в рамках паремиопространства, вскрывающих сети взаимосвязей элементов паремиологической системы.

1. Принадлежащая В.И. Далю идея возможности объединения-разъединения паремий на основании содержательного критерия, указывающая на наличие эпистемологических оснований системности паремий, находит ныне пролонгацию в исследованиях паремий с когнитивных позиций. Когнитологи считают, что каждая паремия в своем исходном смысле опирается на определенное понятие – категорию логического типа, составляющую основу концепта как более широкой по объему ментальной репрезентации знаний. Эти категории являются базовыми в осмыслении мира человеком, доказательством чего выступают содержательные корреляции разноязычных паремий, носящие, по мнению Г.Л. Пермякова, не эпизодический, а системный характер [29, с. 24]. Подтверждают факт совпадения базовых понятийных категорий, лежащих в основе паремиологической концептуализации, корреляции в названиях тем в разноязычных тематических словарях [30]. В паремиях разных народов так или иначе говорится о вере и безверии, труде и лени, своем и чужом, дружбе и вражде, уме и глупости, высокомерии и кротости, храбрости и трусости и т. п.

Базовые категории в когнитивной модели мира характеризуются своим распределением – упорядоченностью, соответствующей «призме» мировидения. Выделенные в результате анализа тематических собраний разноязычных паремий общие для разных лингвокультур сферы паремиологической концептуализации (среда обитания человека; физическое в природе человека; быт и материальные интересы человека; трудовая деятельность человека; человек и его семья; общество, государство, мир и человек; мораль и психический мир человека; духовная жизнь человека) [30, с. 27] говорят о том, что созданные носителями обыденного сознания национальные паремиологические картины мира антропоцентричны.

Проявление антропоцентричности в паремиологической категоризации и концептуализации действительности обусловлено апперцепцией, то есть «зависимостью восприятия от общей направленности и всего предшествующего опыта человека» [31, с. 57]. Накапливание жизненного опыта, осмысляемого через призму обыденного сознания и выливающегося в стандартные рефлексии на те или иные жизненные обстоятельства, осуществляется в очерченных интересом человека зонах. Чем выше интерес к тому или иному объекту реальной действительности, тем больше вербальных рефлексий, связанных с определением прагматической релевантности признаков данного объекта для человека, больше вероятность формирования соответствующей ментальной репрезентации в сознании человека, богаче содержание этой репрезентации в памяти. Объекты, представляющие направленности человеческого интереса, способствуют формированию первичной системы координат в постижении мира, определяющей релевантные для обыденного сознания сферы концептуализации с присущими им сетями концептуальных зависимостей.

Из сказанного следует, что важнейшим фактором системности паремиологических единиц является обусловленность паремиологической концептуализации направленностями интереса продуцентов паремий, представленными в ментальных репрезентациях набором базовых категорий. Эти категории выступают аттракторами в когнитивном пространстве – функционируют в качестве упорядочивающих начал в структурировании опыта. Данное положение согласуется с основополагающим тезисом синергетики, согласно которому, именно «неравновесность» объектов выступает условием и источником возникновения «порядка», организующим началом любой системности [32]. Апперцепция, таким образом, детерминирует дистрибуцию паремий в моделях хранения знаний в соответствии с базовыми категориями и сферами концептуализации, отражающими структуру бытия человека в ее антропоцентрическом видении.

2. «Человек не является пассивным созерцателем окружающих его вещей и явлений» [33], поэтому первичная система координат постижения мира, определяемая направленностями человеческого интереса, изначально не амодальна. В ходе накапливания опыта, «трансформации» интересов в устойчивые знания о ценностном / антиценностном смысле познанных объектов, вырабатывается вторичная система координат постижения человеком мира – «система мнений, оценок, ценностей, стереотипов», в рамках которой осуществляется

вторичная, оценочная концептуализация и категоризация [33]. Обе системы координат в сознании человека оказываются совмещенными, так как оценочные категории представляют модусный тип знания и, «передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний», «наследуют» структуру и принципы организации оцениваемой области [33]. «Оценочная категоризация, по существу, – пишет Н.Н. Болдырев, – представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую, и ценностную, идеальную, то есть результат переосмысления окружающего мира с позиции ценностных концептов и категорий» [34, с. 102–114]. Это объясняет выводы паремиологов о том, что «система паремий конкретного народа опирается на систему ценностных концептов, сформированных этническим сознанием» [8, с. 17].

Таким образом, еще одним фактором системности паремиологических единиц является обусловленность смыслов паремий ценностно-нормативными системами этноса. Эта обусловленность проявляется в оценочной концептуализации и категоризации действительности. Оценка в паремиях воплощает ценностные ориентации носителей культуры и определяет дистрибуцию паремий в соответствии со структурой этих ориентаций – с их направляющей, мотивационной и регулятивной компонентами [35, с. 6]. Каждая паремия в связи с этим получает свое место в системе средств, объективирующих ценностную картину мира этнического сообщества.

3. Третьим фактором системности паремиологических единиц выступает единая логико-мыслительная база людей, обуславливающая тождество форм мысли при переработке данных, поступающих по чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам извне, в знание о мире. Сеть отношений, устанавливаемая человеком между неязыковыми объектами, фиксируется его сознанием в соответствующих когнитивных структурах, по определению логиков языка и когнитологов в пропозициональных моделях [36, с. 134–136], и создает базу для проявления системных отношений в сводах языковых единиц, объективирующих эти форматы знания.

Г.Л. Пермяков считает, что в основу классификации пословиц по их смыслу может быть положена классификация самих ситуаций и отношений, знаками которых паремии выступают [22, с. 26]. В результате анализа семантики разноязычных паремий Г.Л. Пермяков выявил четыре типа логических отношений, представленных в паремических суждениях: отношение между вещью и ее свойствами, отношение между вещами, отношение между свойствами разных вещей в зависимости от отношений самих этих вещей, отношение между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств [37, с. 20–21]. Несмотря на то что данные отношения отражают очень высокую степень абстракции в представлении семантики паремий, они являются тем каркасом, который при дальнейшей детализации отношений, находящих отражение в содержательных аспектах паремий, позволяет представить в системном виде все многообразие обобщенных смыслов, выражаемых паремиологическими единицами. Такая систематизация, вскрывающая логику интерпретации сущего, определяет дистрибуцию паремий в паремиопространстве в соответствии с типом мыслительной процедуры (формой мысли), лежащей в основе суждения о мире, или, в иной терминологии, в соответствии с объективированными в семантике паремий типами пропозиций.

4. Внутренние отношения паремиологических единиц, стягивающие их в целостное образование, наиболее явно прослеживаются при анализе языковой формы выражения провербиальных идей. Одни языковые формы имеют прямую связь с денотатом, другие – опосредованную, то есть обозначение одной ситуации (участника ситуации, действия, признака, количества и пр.) замещается обозначением другой ситуации (участника ситуации, действия, признака, количества и пр.) с заложенным в языковом коде механизмом переосмысления. Направления ассоциативных связей, лежащих в основе паремийных метафор и сравнений, являют собой древние и достаточно устойчивые стереотипы видения, интерпретации и означивания сущего, свойственные обыденному сознанию. Зоонимические, флористические, колористические, антропонимические, соматические, бытовистические (вещные), пространственные и другие паремийные метафоры свидетельствуют о «подключенности» мифопоэтической компоненты, архетипических ментальных структур к процессу концептуализации и категоризации действительности. «Онаивленное» членение и объяснение мира в паремиях, «игровая» репрезентация знания – это тоже своего рода

фактор системности паремиологических единиц, определяющий дистрибуцию паремий в паремиопространстве по ономазиологическому критерию. Лежащие в основе паремиотворчества приемы кодирования информации подвергаются типизации и вскрывают единые механизмы категоризации и концептуализации действительности в паремиях.

5. Повторяющимися, тиражируемыми, по определению Е.И. Селиверстовой, в паремиях являются не только вербальные культурные коды, «освященные фольклорной традицией» лексические единицы с образной и прямой мотивировкой, но и идеи и формульные комплексы, используемые для выражения идей (комбинации компонентов, структурно-семантические модели, художественно-эстетические приемы передачи пословичного смысла) [3, с. 165, 241], [25, с. 8, 9]. Наличие паремийного «реквизита», определяющего, по мнению Е.И. Селиверстовой, развитие паремиофондов – образование новых паремий, а также тиражирование паремийных идей в варианном выражении – в соответствии с внутренне заданными санкциями [25, с. 43–44], является еще одним фактором, обуславливающим системообразующие связи в паремиологическом пространстве. Такого рода связи паремиологических единиц хорошо изучены. Одни из них аналогичны парадигматическим связям в лексической системе языка (конституируют отношения синонимии, многозначности, антонимии паремий), другие отражают связи, порожденные взаимодействием лексических и грамматических категорий. Так, Е.В. Иванова считает, что в ряде паремий можно обнаружить повторение общей схемы внутренней формы, позволяющее говорить о существовании инварианта когнитивной пословичной модели, полученного в результате образования паремий по аналогии, то есть образования по одной и той же грамматической модели разных пословиц, содержащих один и тот же компонент, характеризующийся внутренней формой [2, с. 81]. Все эти факты говорят о многоуровневости системных отношений, пронизывающих паремиопространство, а также о существовании разного рода «точечных» дистрибуций – распределений паремий в рамках целого на небольшие множества на основании близости по значению, общности структурно-семантической организации, тождестве формульных фрагментов и др.

6. Детерминированные выражением ценностного отношения ко всему сущему смыслы паремиологических единиц «втягивают» эти единицы в соответствующие коммуникативные парадигмы. Осуждение, обвинение, порицание, обличение, упрек, парирование, урезонивание, предостережение, предупреждение, сетование, оправдание, утешение, побуждение, совет, рекомендация определяются Г.Д. Сидорковой как типичные функции паремий в речи [38]. Объединения паремий на основании реализации ими тех или иных интенциональных значений представляют собой нечеткие множества, однако игнорировать детерминированную содержанием предрасположенность паремий к реализации определенных функций нельзя. Таким образом, функциональная специализация паремий, предполагающая неизбежный повтор типичных функций, есть еще один фактор, определяющий системность паремиологических единиц, их дистрибуцию в паремиопространстве в соответствии с интенциональными значениями, составляющими прагматический потенциал.

В качестве резюме подчеркнем, что каждая паремия в системе оказывается втянутой в разного рода отношения. Реляционный каркас системы паремиологических единиц определяется их эпистемологическими, аксиологическими, логическими, ономазиологическими, структурно-семантическими, художественно-эстетическими и функциональными характеристиками. Каждая паремия занимает свое место в системе подобных ей единиц в связи с тем, что 1) отражает стереотипы членения мира обыденным сознанием с опорой на базовые категории и выявляет отнесение осмысляемой сущности к определенной сфере бытия человека; 2) формирует представление о сущем в соответствии с социальными установками и ценностными предпочтениями, определяя посредством оценочной категоризации место того или иного материального / идеального объекта в ценностной картине мира; 3) отражает мыслительные стереотипы в установлении связей, выступающих основанием для определения значимости вещей в мире, и эксплицирует в своих формальных и содержательных аспектах отношения между вещью и ее свойством, между вещами или между свойствами вещей; 4) передает социально релевантное знание с использованием типичных для этнической культуры языковых кодов; 5) обнаруживает формальные связи с вариантными формами выражения мысли либо однотипными структурами, выявляя повторение проverbsиальных идей, дублирование компонен-

тов паремиологических единиц, воспроизведение структурно-семантических моделей; б) предполагает «воспроизведение» определенных модальных рамок – реализацию типичных интенциональных значений, образующих прагматический потенциал паремий.

Уточнение оснований системности паремий стимулировано отмечающейся в настоящее время тенденцией к сужению границ паремиологии. Дифференциации паремиологии и фразеологии как самостоятельных областей лингвистического знания должна способствовать терминологическая унификация, и, хотя терминологические проблемы являются лишь отражением несогласованности концепций при исследовании устойчивых выражений, возможно, именно унификация терминов может стать стимулом к решению открытых теоретических вопросов.

Литература

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 3-е изд., стереотип. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.
2. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.
3. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. – СПб. : МИРС, 2009. – 270 с.
4. Котова, М.Ю. Славянская паремиология : дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.03 / М.Ю. Котова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – Т. 1. – 231 с.
5. Мокиенко, В.М. Предисловие / В.М. Мокиенко // Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 4–9.
6. Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапам. / І.Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.
7. Жуков, В.П. Предисловие / В.П. Жуков // Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – С. 9–21.
8. Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.Б. Савенкова ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 46 с.
9. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
10. Кацюба, Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) / Л.Б. Кацюба // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 65–67.
11. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики : на материале русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.Н. Семененко ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2011. – 46 с.
12. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
13. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
14. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с. – (Studia philologica).
15. Жаналина, Л.К. Фразеология: проблема границ / Л.К. Жаналина // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 57–67.
16. Шарманова, Н.Н. Паремиология и фразеология: векторы взаимодействия в контексте теории клише / Н.Н. Шарманова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 268–272.
17. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
18. Мокиенко, В.М. // Большой словарь русских народных сравнений. Более 45 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
19. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

20. Даль, В.И. Напутное / В.И. Даль // Пословицы русского народа. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – С. 5–16.
21. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня // Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 55–131.
22. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1988. – 236 с.
23. Черкасский, М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (Пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 35–52.
24. Кууси, М. К вопросу о международной системе пословичных типов : опыт классификации количественных пословиц / М. Кууси ; пер. с англ. Т. Погибенко // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1984. – С. 53–81.
25. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.И. Селиверстова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 47 с.
26. Ничипорчик, Е.В. Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства / Е.В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып. 1. – С. 270–274.
27. Левин, Ю.И. Провербиальное пространство / Ю.И. Левин // Паремиологические исследования : сб. статей ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. – С. 108–126.
28. Система. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / В.Н. Садовский, А.Ю. Бабайцев, Н.Д. Дроздов [и др.]. // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/concepts/7091>. – Дата доступа : 09.11.2014.
29. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
30. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е.В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
31. Степанов, С.С. Популярная психологическая энциклопедия / С.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2005. – 672 с.
32. Можейко, М.А. Синергетика. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / М.А. Можейко // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/concepts/6876>. – Дата доступа : 04.12.2015.
33. Болдырев, Н.Н. Языковая оценка в контексте познавательных процессов [Электронный ресурс] / Н.Н. Болдырев. – Режим доступа : boldyrev.ralk.info/dir/material/208.pdf. – Дата доступа : 11.09.2012.
34. Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев // С любовью к языку : сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва–Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 102–114.
35. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Ничипорчик ; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2016. – 54 с.
36. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
37. Пермяков, Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г.Л. Пермяков // Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 105–135.
38. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий : пословицы и поговорки как речевые действия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 42 с.